ЦЕНТРПОЛИГРАФ

1039

HARLEQUIN®

Мейси Эйтс

ПРОСТО ПОВЕРЬ В ЛЮБОВЬ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мейси Эйтс

Просто поверь в любовь

Серия «Любовный роман – Harlequin», книга 1039

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64911782
Просто поверь в любовь:
ISBN 978-5-227-09351-6

Аннотация

Эмерсон Максфилд уже два года обручена с мужчиной, которого не любит. Но она не придает большого значения любви, главное для нее – это дело всей жизни ее семьи, процветающая винодельня. И тут в ее жизни появляется обаятельный ковбой, новый работник на их ранчо. Между ними сразу вспыхивает непреодолимое влечение. Но Эмерсон не догадывается, какую тайну скрывает от нее новый знакомый…

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 18
Глава 3 26
Глава 4 47
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Мейси Эйтс
Просто поверь в любовь

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S.A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Rancher’s Wild Secret
© 2019 by Maisey Yates
«Просто поверь в любовь»
© «Центрполиграф», 2021
© Перевод и издание на русском языке,
«Центрполиграф», 2021

* * *

Глава 1

Презентация нового бренда винодельни «Виноградники Максфилдов» шла без сучка без задоринки, и Эмерсон Максфилд стало скучно.

Это было неподходящим чувством для директора по маркетингу, но решительно именно это чувство она и испытывала.

Она понимала, что многие из присутствующих людей смотрят на нее безо всякого интереса, потому что ее жениха нет рядом с ней.

Она посмотрела на свою руку, в которой держала бокал розового вина и на безымянном пальце которой сверкал огромный грушевидный бриллиант.

Ей было скучно не потому, что Донована не было рядом.

Честно говоря, именно в присутствии Донована ей в последнее время становилось скучно, и это вызывало у нее немалое беспокойство.

Но что ей было делать?

Ее отец два года назад устроил их помолвку, и она согласилась на это. Она была уверена, что их отношения со временем станут прогрессировать, но они… не менялись.

Они жили и работали в разных штатах, и между ними не проскакивало даже искры, способной зажечь маленький костер.

И, в конечном счете, прием был менее скучным, чем ее помолвка.

Но и прием, и помолвка были связаны между собой. Потому что империя ее отца была самой важной частью ее жизни. Она сама была частью этой империи.

Она любила своего отца. И его империю. Винодельня была делом всей ее жизни. Она помогла отцу создать ее, превратить ее в процветающую компанию.

Она добилась того, что вина Максфилдов были включены в подарочные корзины Голливуда, что на самых популярных сайтах знаменитые люди рекомендовали их.

Она превратила их торговую марку в нечто большее, чем просто местные вина.

И ее работа, как и работа ее сестер, помогла сделать винодельню самой процветающей в Орегоне.

Ей следовало бы испытывать чувство триумфа на этом приеме.

Но вместо этого она чувствовала лишь дискомфорт. Тот дискомфорт, который стал преследовать ее в последнее время.

Раньше это доставляло ей несказанную радость – стоять среди гостей в роскошном платье, с помадой на губах, идеально гармонирующей с цветом ткани. Она чувствовала се-

бя… значительной. Важной. Успешной. Что бы об этом ни думала ее мать.

Может быть, проблема была в ее приближающейся свадьбе?

Потому что чем меньше оставалось до нее времени, тем больше сомнений она испытывала.

Если бы только она могла настолько посвятить себя работе, чтобы выйти замуж за сына генерального директора одной из крупнейших в мире рекламных компаний!

Чтобы исполнить и эту просьбу своего отца.

Эмерсон любила отца. И винодельню.

А что касается романтической любви…

Честно говоря, она ни разу не влюблялась. Что же до секса и страсти…

Она еще не спала с Донованом. Но до него у нее уже были двое мужчин. Один бойфренд – в колледже, один – после его окончания. И это не было чем-то таким особенным, ради чего стоило перевернуть всю свою жизнь.

У них с Донованом были общие цели и общие интересы. Наверняка этого будет достаточно, чтобы наладить нормальную семейную жизнь.

Так почему бы не выйти замуж ради винодельни? И чтобы сделать отца счастливым?

Почему бы и нет?

Эмерсон вздохнула и обвела взглядом комнату.

Все было так красиво. Как и должно было быть. Прием

проходил в роскошном дегустационном зале, из которого открывался замечательный вид на виноградники, залитые лунным светом.

Эмерсон вышла на балкон. Там стояли несколько человек, в дальнем конце, но они не стали подходить к ней. Одним из ее талантов было держать людей на расстоянии. Одной улыбкой она могла привлечь внимание всех присутствующих, если бы ей этого захотелось. Но она также умела сделать свое лицо непроницаемым, что не поощряло заводить с ней разговор.

Она взглянула на виноградники и снова вздохнула.

– Что ты здесь делаешь?

Эмерсон слегка улыбнулась. Потому что она могла заставить держаться на расстоянии всех, кроме своей младшей сестренки, Крикет. Та всегда делала то, что хотела.

– Мне захотелось подышать свежим воздухом. А что ты здесь делаешь? Разве тебе не поручили стоять у дверей?

– Спасибо, мне уже двадцать один год, – фыркнула Крикет, при этом выглядя так, словно ей было гораздо меньше, по крайней мере, на взгляд Эмерсон.

Эмерсон хмыкнула.

– Прости. Как я могла забыть?

Но она не могла забыть этого, потому что сама устроила абсолютно фантастическую вечеринку для Крикет по поводу ее совершеннолетия. Правда, Крикет чувствовала себя некомфортно, особенно в парадном платье, которое Эмер-

сон выбрала для нее. Крикет не любила быть в центре внимания.

А Эмерсон любила. Но только на своих условиях.

Крикет, казалось, почувствовала себя задетой.

– Я пришла сюда не для того, чтобы меня дразнили.

– Прошу прощения, – искренне извинилась Эмерсон, потому что любила сестру. Ей хотелось лишь немного пошутить над ней, потому что это доставляло ей большое удовольствие.

Эмерсон снова взглянула на виноградники и нахмурилась, увидев фигуру, движущуюся между рядами.

Это был мужчина. Даже с балкона ей было видно, что у него стройное, поджарое тело и очень высокий рост.

– Кто это там? – спросила она.

– Не знаю, – сказала Крикет, всматриваясь в темноту. – Может, позвать папу?

– Нет, – ответила Эмерсон. – Я сама спущусь туда.

Она отлично знала, кто должен был присутствовать на приеме, а кто нет.

А если этот мужчина – один из Куперов с винодельни «Ковбойские вина», ей нужно серьезно обеспокоиться, потому что он может находиться там, чтобы вынюхивать их фамильные секреты.

Не то чтобы их главный конкурент опускался прежде до промышленного шпионажа, но она никому не доверяла.

Виноделие было очень конкурентной областью, и с годами

конкуренция лишь усиливалась.

Сестра Эмерсон, Рен, всегда зеленела при одном лишь упоминании имени Куперов и всегда бормотала, что от них можно ждать всего. Так что все было возможно.

– Я спущусь и проверю, что там происходит.

– Ты же не собираешься идти туда одна?

– Со мной все будет в порядке. У меня с собой мобильник, и сейчас здесь много народу. Не думаю, что у меня возникнут какие-нибудь проблемы.

– Эмерсон…

Но Эмерсон уже направилась к лестнице, не обращая внимания на протесты сестры. Она не знала почему, но чувствовала, что сама обязана выяснить, кем был тот мужчина.

Может быть, потому, что его появление было единственным интересным моментом за весь вечер.

Она направилась туда, где видела этого мужчину в последний раз. Но, подойдя к нему, застыла на месте.

Она знала, что он высокий, даже на расстоянии. Но он был… очень высоким. И широкоплечим. На нем была ковбойская шляпа, обтягивающая черная футболка и джинсы.

И это был не Купер.

Она никогда прежде его не видела. Он заметил ее, остановился и поднял голову. И лунный свет упал на его лицо. Оно было точеным и красивым. Настолько красивым, что у Эмерсон перехватило дыхание.

– Я… Вы заблудились? – спросила она. – Прием проходит

вон там. Хотя… я совершенно уверена, что вас нет в списке гостей.

– Я не был приглашен ни на какой прием, – ответил он, и его голос был низким и хрипловатым. И очень греховным.

Греховным?

Она понятия не имела, откуда у нее взялась эта мысль.

Но ей легко было представить, как этот голос произносит разные греховные слова.

– Тогда… простите, но что вы здесь делаете?

– Я здесь работаю, – ответил он. – Я новый работник на ранчо.

Будь он проклят, если она не была Красной Шапочкой, попавшей прямо в руки Злого Волка.

Только на ней не было красной шапочки. На ней было красное платье, которое облегало ее изящную фигуру, словно перчатка.

Ее темные волосы рассыпались по обнаженным плечам.

Он мог представить ее в своей постели именно такой. Обнаженной, с этими рассыпавшимися волосами.

Какая жалость, что он здесь не ради удовольствия. Он здесь ради мести.

И если он правильно угадал, исходя из того, что ему было известно о семье Максфилд, это была Эмерсон Максфилд. Чье прекрасное лицо часто появлялось на обложках журналов. Она была роскошной, очень узнаваемой и… помолвлен-

ной.

Но ничто из этого не остановило бы его, если бы он захотел ее.

Какое ему дело до того, что какой-то мужчина надел ей кольцо на палец? По его мнению, если обрученная или замужняя женщина начала поглядывать на сторону, виноват в этом мужчина, надевший это кольцо, потому что не смог удовлетворить ее потребности.

Если Холден мог соблазнить женщину, тот ублюдок, у которого он ее увел, сам заслужил это.

Но в мире было множество других женщин, и он не собирался мараться, связываясь с одной из Максфилдов.

Какой бы роскошной она ни была.

– Я не знала, что мой отец нанял нового работника, – сказала она.

Учитывая то, что он знал о ее семье, ему показалось смешным, что она говорит, как маленькая принцесса из элитной школы. Но он знал, что Максфилды – самая богатая семья в округе, а их вина конкурентоспособны на мировом рынке.

Ее отец, Джеймс Максфилд, был первоклассным виноделом… и первоклассным мерзавцем.

Холден не был моралистом, но некоторые вещи он считал недопустимыми. И главная из них – не принуждать женщин к чему бы то ни было. И он никогда не позволил бы себе шантажировать женщину, которую сделал несчастной.

Но у Джеймса Максфилда не было понятия о чести.

И, к несчастью для Джеймса, когда дело доходило до того, чтобы отплатить за причиненный близкому существу вред, Холден готов был зайти как угодно далеко. Интересно, что Эмерсон подумала бы, если бы узнала, что сделал ее отец с женщиной, которая была едва ли не моложе нее?

Что он сделал с младшей сестрой Холдена?

Но, скорее всего, Эмерсон было бы безразлично все это.

Он подозревал, что все дети Максфилда закрывают глаза на его поведение, равно как и его жена. И все ради того, чтобы продолжать иметь доступ к его банковскому счету.

– Я приехал только сегодня, – сказал он. – И остановился в одном из коттеджей.

Холден выбился в люди своим трудом, хотя его успехи в строительстве недвижимости не освещались в СМИ, как успехи Максфилда. И это лишь пошло ему на пользу, потому что он сможет теперь неузнанным посвятить себя этой мести. Самым замечательным было то, что Джеймс даже не заподозрит, откуда ему грозит беда.

Потому что он никогда не поверит, что человек такого низкого социального статуса сможет навредить ему. Он не обратит внимания на Холдена. Потому что будет считать его просто нанятым работником. Лакеем.

Джеймс никогда не догадается, что Холден владеет огромным поместьем в восточной части штата.

Потому что Джеймс Максфилд думает только о себе. Он не верит, что кто-то может быть умнее его, что кто-то хоть

отдаленно может быть таким важным, как он.

И его гордость станет его погибелью.

Холден об этом позаботится.

– А-а-а, – сказала Эмерсон и прикусила губу, посмотрев ему прямо в глаза.

Эта маленькая чертовка флиртовала с ним.

– Разве вы не должны быть с гостями?

Она подняла одно плечо.

– Наверное.

Она не казалась удивленной тем, что он знал, кто она. Но, надо полагать, Эмерсон привыкла к тому, что все ее узнают.

– Гости могут заметить, что вас нет.

– Может быть, – сказала она и сморщила носик. – Но, между нами, я стала немного уставать от всего этого.

– От приемов с бесплатной едой и выпивкой? Как можно устать от этого?

– Полагаю, что, когда выпивка все время бесплатная, начинаешь забывать, почему это прикольно.

– Мне об этом ничего не известно.

– О. Конечно. Простите. Это было бестактно с моей стороны.

– Ну, если вы та, кем я вас считаю, вы относитесь к привилегированному классу. Почему вы извиняетесь за это?

– Потому, что я все равно не имела права это говорить.

– Ну что ж, я могу тоже сказать вам кое-что бестактное, чтобы вы почувствовали себя лучше.

Она рассмеялась.

– Попробуйте.

– Вы неосторожны, Красная Шапочка, разгуливая там, где вас может сожрать Злой Волк.

Это было очень сексуальным намеком, и принцесса со сверкающим обручальным кольцом на руке должна была бы оскорбиться.

Но этого не случилось. Наоборот, она, казалось, расслабилась, и отвела глаза в сторону.

– Это нужно считать бестактным?

– Безусловно, – сказал он.

– Но мне это не кажется таковым.

– Вам лучше вернуться к гостям, – снова заметил он.

– Почему? Разве мне угрожает опасность?

– Смотря что считать опасностью.

Он сказал себе, что нет ничего плохого в том, чтобы наладить с ней отношения. На самом деле, это может очень ему пригодиться.

– Например, беседу с незнакомым мужчиной в винограднике?

– Зависит от того, считаете ли вы меня незнакомым.

– Этого я еще не знаю.

Она внимательно оглядела его, и он почувствовал, как в нем проснулся интерес к этой женщине. Такого он давно не испытывал.

Интерес к Эмерсон Максфилд.

Но она сделала шаг назад. Ее глаза широко раскрылись, и в них промелькнул страх. Неужели она почувствовала ненависть, которую он испытывал к текущей в ее жилах крови?

– Мне нужно идти, – пробормотала она. – Гости…

– Да, мэм.

Он непроизвольно шагнул к ней, и она отступила на шаг. Потом развернулась и поспешно, насколько ей позволяли высокие тонкие каблуки, направилась к дому.

– Лучше беги от меня, Красная Шапочка, – прошептал он.

А потом окинул взглядом виноградник и дом, стоящий на холме.

– Большой Злой Волк собирается проглотить все это.

Глава 2

– Эмерсон, – сказал ее отец, – у меня есть для тебя работа.

После прошлой ночи Эмерсон чувствовала себя усталой и немного растерянной. Она сделала нечто такое, что было совсем не в ее характере, и никак не могла понять, что на нее нашло.

Она ушла с приема, бросила свой пост. И отправилась искать незнакомого мужчину в винограднике. А потом…

Он напомнил ей волка. Однажды, еще учась в школе, она побывала в волчьем заповеднике, и была заворожена мощным альфа-самцом. Таким красивым. Таким сильным.

Она тогда очень испугалась. И в то же время не могла отвести от него взгляда.

Но он был простым наемным работником.

И это должно было стать для нее сигналом опасности. Абсолютным приказом «стоп, не смей идти дальше». Если бриллиант на ее пальце не служил достаточной причиной, чтобы остановиться, его статус должен был послужить такой причиной.

Но она почувствовала странное влечение к нему. А потом он шагнул к ней. И она убежала.

И она не могла понять, почему не сделала этого раньше. Что случилось с ней?

– Работа? – переспросила она.

– Я следил за доходами винодельни «Грассрутс», и они уже сделали себе имя как место, которое привлекает к себе туристов. Они предлагают посетителям прогулки верхом по виноградникам. И мне кажется, что конные экскурсии, пикники и все такое прочее могли бы стать дополнительным источником дохода и для нас.

Эмерсон встречалась с владелицей винодельни «Грассрутс», Линдой Додж, и она ей очень нравилась. На мгновение она испытала укол совести из-за того, что отец собирается эксплуатировать ее идею. Но она тут же отбросила сомнения.

Не было чем-то необычным заимствовать идеи у других компаний. К тому же Эмерсон старалась не рассматривать другие винодельни в качестве достойных соперников.

Единственными их соперниками были «Ковбойские вина». И Эмерсон подозревала, что корни их соперничества лежат гораздо глубже, чем ей кажется, но если и так, Джеймс никогда не упоминал об этом.

Равно как и Рен, ее сестра. Из-за той роли, которую она играла в компании, ей часто приходилось скрещивать шпаги с Кридом Купером, которого Рен ненавидела всеми фибрами своей души.

– Итак, в чем заключается моя работа? – спросила Эмерсон.

– Я уже сказал тебе. Устраивать конные экскурсии, пикники и прочее.

– Но мне кажется, это больше по части Рен.

Рен отвечала за мероприятия, в то время как Эмерсон занималась глобальным продвижением бренда.

– Все дело в том, как ты влияешь на людей. Я хочу, чтобы ты разработала лучшие маршруты, отобрала лучшие вина для дегустаций, сделала самые выигрышные фотографии.

– Это… это будет не так просто.

– Меня не волнует, насколько это непросто. Именно поэтому я и обратился к тебе.

– Хорошо. Я сделаю это. Мне нравится эта идея.

– Я уже нанял менеджера, который будет заниматься технической стороной дела. Он будет руководить ремонтом и обновлением конюшен, займется приобретением новых лошадей, и все прочее.

– А-а-а. Этот… менеджер. Тот человек, которого ты нанял. Он высокий?

Джеймс пожал плечами.

– Понятия не имею. Меня не интересовал его рост. А тебя почему он интересует?

Эмерсон покраснела, чувствуя себя ребенком, своровавшим конфетку из буфета.

– Просто мне кажется, что я видела его вчера вечером. В винограднике. Я ушла с приема, чтобы выяснить, что там происходит. Мы с ним обменялись парой фраз, только и всего. Он сказал, что он наш новый работник.

– Тебе следует быть осторожней, – сказал ее отец. – Ты же

не хочешь, чтобы кто-нибудь сфотографировал тебя в компании постороннего мужчины. Ты же не хочешь скомпрометировать себя и поставить под угрозу свою помолвку?

Иногда Эмерсон удивлялась тому, что ее отцу кажется, будто они все еще живут в викторианскую эпоху.

– Ничто не случится с моей помолвкой с Донованом.

– Я рад, что ты так думаешь.

Она знала, почему отец так заинтересован в ее браке с Донованом. Он планировал уйти на покой, передав акции винодельни мужьям своих дочерей.

Он полагал, что Донован будет отлично справляться с управлением винодельней, и Эмерсон была согласна с ним. Но их брак? Будет ли он удачным?

– Самое главное, Эмерсон, это имидж, – сказал ее отец, возвращая ее к действительности. – Важно не то, что ты делаешь, а что думают об этом окружающие.

Было в интонации отца что-то такое, что заставило Эмерсон похолодеть. Но это было нелепо. Она же была полностью согласна с тем, что имидж очень важен в бизнесе.

И тем не менее она похолодела.

– Это правда, – сказала она. – Не беспокойся. Я специализируюсь на имидже.

– И ты хорошо с этим справляешься.

– Спасибо, – пробормотала Эмерсон, покраснев от удовольствия. Джеймс Максфилд редко говорил комплименты, и тем ценнее они были.

– А теперь отправляйся на конюшню. Он будет ждать тебя.

Ее сердце сделало кувырок, но Эмерсон проигнорировала это. Ей нужно делать свою работу. И эта работа никакого отношения не имеет к тому, насколько высок новый менеджер на их ранчо.

Она была такой же очаровательной в повседневной одежде, как и в парадном красном платье. На ней были черные брюки с манжетами и черный топ, приоткрывавший ее живот. Ее темные волосы были собраны в высокий пучок, а ее помада была такой же ярко-красной, как и накануне вечером. Ее глаза были спрятаны за круглыми солнцезащитными очками.

Ему очень хотелось увидеть ее глаза. И, как по заказу, приближаясь к нему, она сняла очки.

Он не был готов к тому, что она так красива.

Ему казалось, что он уже сумел оценить ее красоту при лунном свете. К тому же он видел ее фотографии, но они не отдавали ей должное. Он был убежден, что ярко-синий цвет ее глаз – это заслуга фотошопа. Но теперь он увидел, что они такого же цвета, как синее небо над головой.

– Доброе утро, – сказала она.

– Доброе утро. Как я понимаю, вы уже поговорили с вашим отцом?

– Да, поговорила.

– И что вы думаете о его проекте?

По мнению Холдена, он был очень хорош. И когда он разорит Джеймса, он, возможно, купит эту винодельню и продолжит сам изготавливать вино. Он умел продавать и делать хорошие деньги.

– Это хороший проект. Полагаю, несколько выигрышных селфи привлечет к нему интерес.

– Возможно, вы правы. Хотя, честно говоря, я плохо разбираюсь в фотографии.

Это было ложью. Его младшая сестра была моделью. Она познакомилась с Джеймсом Максфилдом на одной из вечеринок. И Холден проклинал себя за то, что это его деньги сделали их знакомство возможным.

Потому что Сорайя была совсем невинной девочкой из маленького городка, которая внезапно попала в общество людей, таких далеких от ее привычного окружения.

Холден и сам поначалу не знал, как ему тратить деньги.

Но он сразу же стал помогать своей семье, чтобы вытащить близких из той дыры, в которой они оказались. Первое, что он сделал, – это купил дом своей матери. Роскошный, стоящий на холме и неприступный для мужчин, которые обычно использовали его мать на протяжении всего его детства.

А его нежная, молоденькая единоутробная сестра… Она сразу же стала знаменитостью. Она была невероятно красива и обладала отличным вкусом.

Миллионы поклонников следили за ее жизнью, ждали ее

фотографий в прессе, интересовались приемами, которые она посещала.

И однажды она посетила не тот прием и повстречалась с Джеймсом Максфилдом.

Он тут же буквально прилип к ней, прежде чем Холден смог предостеречь ее. А потом Джеймс бросил ее, оставив безутешной. Холден никогда не забудет, что его сестра стала пациенткой психиатрической больницы. Она пыталась покончить с собой, потом у нее случился выкидыш…

И это горе жгло его как каленое железо.

При этом он осознавал, что все его деньги не смогли защитить ее. Это его деньги привели ее к трагедии.

А теперь ему оставалась лишь месть, потому что исправить он ничего уже не мог. Он не мог залечить ее раны.

Но он мог все забрать у семейства Максфилд.

И именно это он и намеревался сделать.

– Кажется, официально мы еще незнакомы, – сказала Эмерсон и протянула руку. – Я Эмерсон Максфилд.

– Холден Браун, – сказал он.

Если бы Джеймс Максфилд не был таким законченным нарциссом, Холден побоялся бы использовать свое настоящее имя.

Но он сомневался, что Джеймс сможет связать это имя с молоденькой моделью, с которой он встречался в течение нескольких месяцев и которую потом бросил. С какой стати ему было помнить ее? Он, возможно, забыл даже ее имя, не

говоря уже о том, что мало что знал о ее семье. Холден не был знаменитостью. И это нравилось ему. Он всегда думал, что анонимность еще сослужит ему хорошую службу. Правда, он не ожидал, что это будет связано с местью.

Он пожал руку Эмерсон. Ее рука была мягкой, очень мягкой. Рукой женщины, которая никогда в жизни не занималась тяжелым физическим трудом. И ему внезапно отчаянно захотелось, чтобы эта маленькая принцесса вынуждена была опуститься до грязной работы.

Желательно, чтобы эта работа была связана с его телом.

Он выпустил ее руку.

– Рада познакомиться с вами, Холден, – сказала она.

– Я тоже, – коротко отозвался он, опасаясь, что, если скажет еще что-нибудь, он может совершить какую-нибудь ошибку.

– У меня есть несколько идей по поводу этого нового проекта. Давайте немного проедемся верхом.

Глава 3

Давайте проедемся верхом. Никакого сексуального подтекста.

Не на ранчо. Не для женщины, привыкшей к лошадям. Как она.

Но она все время прокручивала в голове эту фразу. Представляла, как скажет это ему в постели.

Она никогда, никогда в жизни не чувствовала себя так.

Ее первый опыт был хорошим. Безболезненным, что уже неплохо. Но не таким уж возбуждающим.

Ее партнером был ее тогдашний бойфренд, которого она хорошо знала и который был исключительно осторожен и внимателен с ней. Хотя он больше был занят тем, чтобы ей было комфортно, а не тем, чтобы пробудить в ней страсть. Но они были так молоды. И это казалось ей правильным.

Ее бойфренд после этого был вежлив, обходителен и бережен с ней. Он много путешествовал еще до того, как она сама начала путешествовать по миру. Ей нравилось разговаривать с ним, но она не испытывала возбуждения или влечения к нему.

И она решила, что просто холодна от природы. И ее это устраивало. У нее в жизни было много других радостей. И она не страдала из-за отсутствия страсти.

Но Холден заставил ее задуматься, не упускает ли она че-

го-то важного.

«Отлично. Ты провела в обществе этого мужчины в общей сложности минут сорок», – напомнила она себе.

Но за эти сорок минут она представила себе его обнаженным шесть раз. И семь раз задумалась над тем, чтобы подойти к нему и поцеловать его в губы.

И это было сумасшествием.

Он работал на ранчо, на ее отца. Он работал на нее, в конечном счете, потому что она была частью винодельни и владела пакетом акций.

Но почему-то это заставило ее возбудиться еще сильнее.

Ее жених, Донован, знал очень многое о жизни.

Он знал многое о рекламе, о человеческой психологии. И это было интересно.

Но она чувствовала, что такой мужчина, как Холден, может многому научить ее тело, и это было более чем интересно. Это было странно и возбуждающе.

Но она тут же отогнала от себя эту мысль, как совершенно нереалистичную.

«Нет», – сказала она себе, взбираясь на лошадь. Она никогда не поддастся этому искушению лишь для того, чтобы выяснить, насколько она сексуально возбудима. И у нее для этого много причин.

«Итак, ты собираешься выйти замуж за Донована и всю жизнь думать о том, каково это было бы? Согласишься на скучный секс, обусловленный отсутствием влечения друг к

другу? Никогда не узнаешь, что ты упустила?»

Ну и ладно, фантазии хороши тем, что это только фантазии.

А занятия сексом с малознакомыми мужчинами – по рассказам ее подруг – плохи тем, что эти мужчины редко способны воплотить эти фантазии в жизнь. Потому что они не заботятся о том, чтобы доставить удовольствие женщине, с которой едва знакомы.

Они слишком сосредоточены на том, чтобы получить удовольствие самим. И мужчины всегда остаются в выигрыше в этой игре. Эмерсон знала потребности своего тела и умела доставить себе удовольствие, когда хотела. Но она еще не встретила мужчину, который смог бы доставить ей такое же удовольствие. А когда она находилась с кем-нибудь в постели, она никак не могла расслабиться. Никак не могла перестать думать и полностью отдаться своим ощущениям.

И с Холденом будет то же самое. Каким бы горячим он ни был.

А отказаться от своих принципов ради сомнительного опыта Эмерсон не могла рискнуть.

Итак.

Она отбросила от себя эти мысли и сосредоточилась на том, чтобы наслаждаться красивыми видами.

Ее семейное поместье было для нее самым любимым местом с раннего детства. Но, конечно, тогда ей не было с чем сравнивать.

А теперь уже было. Она объехала весь мир, останавливалась в роскошных отелях, наслаждалась изысканной местной кухней. Но как бы ей ни нравилось путешествовать, она не могла представить, что когда-нибудь перестанет считать поместье своим домом.

– Можно задать вам вопрос?

Его голос был глубоким и бархатным, словно мед, и Эмерсон почувствовала волнение.

Она никогда не испытывала ничего подобного.

Это, наверное, и было той знаменитой «химией». И она никак не могла понять, почему именно этот мужчина пробуждает в ней такие чувства. Она была знакома с множеством мужчин, которых можно было бы счесть привлекательными. Она встречала их на приемах в разных частях света. Но ни один из них – включая и того, за которого ее отец хотел выдать ее замуж, – не вызывал у нее такой реакции.

А теперь… Холден проделал это без всяких усилий со своей стороны.

– Задавайте, – ответила она, заставив себя сосредоточиться на окружающих видах.

Все, что угодно, лишь бы не зацикливаться на нем.

– Какого черта вы так оделись, зная, что вам предстоит поездка верхом?

Она недоумевающе моргнула. А потом повернула голову и посмотрела на него.

– Что не так с моей одеждой?

– Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь садился на лошадь в такой непрактичной одежде.

– Да ладно, я вас умоляю. Вы наверняка видели, как в старину женщины ездили в боковом седле в огромных амазонках.

– Да, – ответил он. – Но у вас есть выбор.

– Я должна быть фотогеничной.

– А вы не могли одеться в сексуальную ковбойскую одежду?

Учитывая, что он играл роль сексуального ковбоя, в обтягивающей черной футболке и черной ковбойской шляпе, Эмерсон внезапно пожалела, что не играет роль сексуальной ковбойской девушки. Может, ей стоило надеть клетчатую рубашку, завязав ее полы под грудью, короткие шорты и сапоги. Может быть, если бы она была так одета, она набралась бы смелости и попросила бы его покувыркаться с ней в сене.

«Ты сошла с ума».

– Это не в моем вкусе.

– А в вашем вкусе одеваться в траур?

Эмерсон рассмеялась.

– Я об этом не подумала. Но вы правы. Это мой любимый стиль.

– Если вас это устраивает.

Его замечание было забавным. Ну ладно, может быть, из-за того, что он пару раз сказал что-то умное в ее присутствии, было слишком рано называть его забавным. Но она почув-

ствовала себя немного лучше оттого, что он был не только очень красивым, но и умным.

– Итак, сегодня у вас не просто рабочая поездка, – сказал он. – Если вы так заботитесь о своем внешнем виде.

– Верно. Я хочу пробудить интерес к нашей новой идее. Ну, знаете, опубликовать мои фотографии верхом на лошади. Подождите секунду.

Она остановилась и повернулась лицом к Холдену. Позади них расстилались виноградники, а на заднем фоне устремлялись ввысь вершины гор. Она достала свой мобильный телефон, подняла его в вытянутой руке, улыбнулась и нажала на кнопку. Посмотрев на результат, она нахмурилась и сделала еще одно фото. Оно понравилось ей уже больше.

– Что это было?

Она развернула лошадь, убрала телефон в карман и поехала дальше.

– Просто я сделала фотографию. Которую смогу опубликовать в Интернете. «Нечто новое и заманчивое на виноградниках Максфилдов».

– Вы и вправду собираетесь это сделать?

– Да. Позже мы выпустим официальный пресс-релиз, но реклама в социальных сетях – это нечто другое. Я – часть этого бренда. И мой образ жизни, включая и одежду, является частью того, что заставляет людей интересоваться нашей винодельней.

– Положим, – сказал Холден.

– Людям нравится испытывать чувство зависти, – сказала она. – Если бы это было не так, они не стали бы проводить долгие часы, разглядывая фотографии других людей. Дома, в которых им никогда не доведется жить. Экзотические места, в которых им никогда не удастся побывать. Немного зависти – это в некотором смысле тоник, он иногда возбуждает людей.

– Вы и вправду верите в это?

– Да. Полагаю, мои успехи в работе доказывают, что я знаю, о чем говорю.

Он долгое время молчал.

– Знаете, я полагаю, что вы правы, – сказал он наконец. – Люди предпочитают позволить себе это чувство. Но когда у вас нет ничего, небольшая радость смотреть на то, чего у вас никогда не будет. Это ранит очень глубоко. Это порождает голод, а не удовольствие. И это может довести некоторых людей до саморазрушения.

Что-то в его интонациях породило в ней беспокойство. Потому что его слова прозвучали не гипотетически.

– Это никогда не было моей целью. И я не могу контролировать, кто читает и смотрит мою рекламу. В конечном счете, люди сами должны управлять своими эмоциями, разве нет?

– Это справедливо. Но некоторые люди не умеют делать этого. И хуже всего то, что находятся те, кто замечают их слабости, если даже они сами не видят в себе этих слабостей.

Те, кто на этих слабостях наживаются. Огромное количество молоденьких голодных девчонок пали жертвами зависти, когда выбрали неверную дорогу.

– Ну, я же не рекламирую дикие вечеринки, – сказала она. – Я рекламирую верховую экскурсию по семейной винодельне, которую себе смогут позволить почти все. И в этом все дело. В Интернете можно найти самые невообразимые предложения, а прогулка по винодельне – вполне доступное удовольствие. Вот в этом-то и состоит суть рекламы.

– Понимаю. Создайте мечту, которую нельзя воплотить в жизнь, а потом предложите винодельню в качестве утешения.

– Если вся наша культура поддерживает этот тезис, это вряд ли моя вина.

– Вам когда-нибудь приходилось чего-то страстно желать, Эмерсон? – Это был совсем невинный вопрос, но от его низкого, грубоватого голоса по ее телу словно пробежал электрический разряд. – Или вы всегда получали то, чего хотели?

– Мне случалось хотеть чего-то, – быстро ответила она. Может быть, слишком быстро. Слишком агрессивно.

– Чего именно? – настаивал он.

Она мысленно пробежалась по своей жизни, пытаясь вспомнить хоть что-то, чего не могла получить, если ей этого хотелось. И только один ответ пришел ей на ум.

«Вас».

Да, вот что она хотела сказать. «Я хочу вас, и не могу вас

получить. Потому что я обручена с мужчиной, который вовсе не хочет целовать меня, не говоря уже о том, чтобы лечь со мной в постель. И я не больше его хочу этого. Но я не могу разорвать помолвку, как бы мне этого ни хотелось, потому что я страстно хочу…»

– Одобрения, – сказала она. – Я хочу одобрения.

У нее сжалось сердце, потому что она не могла понять, почему это слово вырвалось у нее. Ей следовало бы промолчать.

Но его, похоже, не интересовали ее переживания.

– Одобрения вашего отца? – спросил он.

– Нет. Он полностью одобряет меня. Но моя мать…

– Вы знамениты, успешны, красивы. И ваша мать не одобряет вас?

– Да, как это ни парадоксально, моя мать вовсе не хотела, чтобы я проводила свою жизнь, фотографируясь и размещая эти фотографии в Интернете.

– Если только у вас нет тайных непристойных фотоархивов, я не понимаю, почему ваша мать не одобряет такого рода фотографии. Если только дело не в ваших брюках. Которые, должен признаться, вызывают сомнение.

– Это замечательные брюки. И очень практичные, хотя и не выглядят такими. Потому что они позволяют мне комфортно сидеть на лошади. Что бы вы об этом ни думали.

– Так чего не одобряет ваша мать?

– Она хочет для меня чего-то большего. Самостоятельно-

сти. Она не хочет, чтобы я занималась рекламой семейного бизнеса. Но мне это нравится. Я получаю удовольствие от своей работы. Мне это дается легко, потому что я люблю свое дело. Я изучала маркетинг здесь, недалеко от дома. Но она считает, что это… не соответствует моему потенциалу.

Он рассмеялся.

– Простите. Значит, ваша мать считает, что это ниже ваших возможностей – получить степень маркетолога и заниматься рекламой успешного бренда?

– Да.

Она все еще помнила раздражение в голосе матери, когда сообщила ей о своей помолвке с Донованом.

«Значит, ты выходишь замуж за человека, который более успешен в области рекламы, хотя ты и сама могла бы достичь такого успеха».

«Но ты и сама вышла замуж за успешного человека».

«У меня никогда не было таких возможностей, как у тебя. Тебе нет нужды прятаться в тени своего мужа. Ты могла бы достичь большего».

– Да, примерно так, – сказала она. – Понимаете, моя мать – очень умная и разносторонняя женщина. И я очень уважаю ее. Но она никогда не будет гордиться мною. По ее мнению, мне не пришлось ничего добиваться в жизни, и я всегда шла по пути наименьшего сопротивления.

– А что она думает о ваших сестрах?

– Ну, Рен тоже работает в винодельне, и единственное, что

раздражает мою мать больше, чем легкая жизнь ее дочерей, – это семейство Купер. А поскольку Рен пытается постоянно идти в ногу с ними, мою мать раздражает все, что она делает. Что касается Крикет… не уверена, что кто-нибудь знает, чего она хочет.

Бедняжка Крикет была нежданным пополнением их семейства. Она была на восемь лет моложе Эмерсон и на шесть лет моложе Рен. Их родители не планировали заводить третьего ребенка, и уж точно не планировали, что он окажется таким. Крикет, похоже, не унаследовала семейную страсть заслужить всеобщее одобрение.

Она была очень своенравным ребенком, которого воспитывали больше работники на ранчо, чем ее родители.

Иногда Эмерсон завидовала независимости Крикет.

– Похоже, вашей матери трудно угодить.

– Совершенно невозможно, – согласилась Эмерсон.

Но ее отец – совсем другое дело. Он гордился ею. Она делала именно то, чего он от нее и хотел. И она продолжит делать это.

Тропинка заканчивалась у подножия горы, за которой на много миль раскинулись виноградники.

– Да, – сказала Эмерсон. – Это идеальное место.

Она сошла с лошади, сделала несколько селфи, а потом на нее внезапно нашло вдохновение, и она повернулась и сняла Холдена, сидевшего в седле. Ему чертовски шла ковбойская шляпа.

Он нахмурился, слез с лошади, а она тем временем сделала еще одну его фотографию. Это был в основном только его силуэт, хотя было видно, что он был красивым, хорошо сложенным мужчиной с ковбойской выправкой.

– Ну вот, это отличное рекламное фото, – удовлетворенно сказала она.

– Что вы делаете?

Он выглядел рассерженным. А вовсе не польщенным.

– Я подумала, что будет хорошо поместить вас на задний план. Настоящая ковбойская фантазия.

– Вы сказали, что это не в вашем вкусе.

– Не в моем. То, что девушка не хочет носить джинсовые шорты, не означает, что ей не нравится смотреть на ковбоев.

– Вы не можете опубликовать это фото в Интернете, – твердо сказал он.

Она удивленно посмотрела на него.

– Почему?

– Потому что я не хочу появляться на вашем чертовом веб-сайте.

– Это не веб-сайт. Это… не важно. Вы… вы же не скрываетесь от полиции, или что-нибудь в этом роде?

– Нет, не скрываюсь.

– Тогда почему вы не позволяете мне опубликовать вашу фотографию? Там даже нельзя рассмотреть ваше лицо.

– Меня не интересует вся эта ерунда.

– Но эта ерунда – дело моей жизни.

– Но эти фотографии – не дело вашей жизни.

– Хорошо. Я не буду опубликовывать их. Хотя, на мой взгляд, они вызвали бы большой интерес.

– Я не собираюсь выступать в роли экскурсовода на вашем ранчо. Так что нет причины размещать мои фотографии.

Она повернулась к нему и обнаружила, что он стоит ближе к ней, чем она думала. Она с шумом выдохнула. Он был таким большим, таким внушительным.

В нем была первобытная сила, которая должна была бы оттолкнуть ее, но вместо этого она завораживала ее.

Было жарко, и она покрылась потом. И ей стало интересно, покрылся ли и он потом тоже. И ей захотелось прижаться лицом к его груди и вдохнуть его запах.

– Вам когда-нибудь приходилось чего-то очень сильно хотеть?

Она не знала, почему задала этот вопрос. Возможно, чтобы не поддаться своим желаниям и прижаться к нему.

– Не думаю, что это ваше дело.

– Почему нет? Я только что рассказала вам все о своей семье, сама даже не зная почему. Разве что только потому, что вы спросили. Мы здесь одни.

– И еще ваш телефон. Ваша связь со всем миром.

– Я уберу его в карман.

Она сунула телефон в карман своих брюк.

Он окинул ее взглядом, и она почувствовала, что он нарочно не спешит, не отрывая своих темных глаз от ее тела.

Он знал, что его взгляд был намеренно сексуальным.

И та часть ее, которую она подавляла, которая испытывала скуку на приеме прошлым вечером…

Та ее часть хотела всего этого.

– Мне приходилось желать кое-чего, – медленно произнес он.

Она непроизвольно облизнула губы.

И его глаза вспыхнули.

Она не могла притворяться, что не понимала, что сделала. Она намеренно привлекла его внимание к своим губам.

Ладно, она сделала это намеренно, но она не знала, чего хотела этим добиться.

Нет, знала. Но она не могла хотеть этого. Просто не могла. Не могла…

Внезапно он протянул руку и взял ее двумя пальцами за подбородок.

– Не знаю, как ведут себя парни, с которыми вы обычно имеете дело. Но я не тот человек, который рассматривает фотографии и жалеет, что у него чего-то нет. Если я чего-то хочу, я беру это. Так что на вашем месте… я бы не стал дразнить меня.

– Я… я… – Она отступила на шаг.

И чуть не упала, но он схватил ее своими сильными руками за талию и прижал к себе. Она осторожно положила руку ему на грудь. Да. Он вспотел.

И это было чертовски сексуально.

Она лихорадочно пыталась придумать, что сказать. Что-нибудь остроумное, что-нибудь такое, что могло бы разрядить напряженность. Но ничего не приходило ей в голову. Ее сердце отчаянно колотилось в груди, ей трудно было дышать. Трудно было думать. Она испытывала какое-то странное чувство, словно самая ее дикая фантазия существовала лишь в ее голове, а не наяву.

Но его тело было горячим и твердым, и ее пальцы, дотрагивающиеся до его горячего тела, тоже горели.

Как и ее тело. Как и все вокруг.

И она не могла придумать, что сказать, что было совсем не похоже на нее. Но обычно мужчины не вызывали у нее таких чувств.

Она им нравилась. Они любили разговаривать и флиртовать с ней. А после того, как она обручилась, это стало нравиться им еще больше. Они стали смотреть на нее, как на вызов. И ей ничего не стоило подыгрывать им. Потому что их внимание не вызывало у нее никаких чувств. Просто это были лишь разговоры. И ничего больше.

Но сейчас… это было что-то большее.

Воздух словно стал гуще, и она не могла понять, почему сейчас, почему именно этот мужчина.

Его губы дрогнули в улыбке, и внезапно она увидела это.

Безусловно, отчасти дело было в его точеном лице и сильном теле. Но он еще и был… бунтарем.

Всем тем, чем не была она сама.

Он был человеком, которого совсем не волновало, что о нем думают. Это сквозило во всем его облике. В сдержанной грации движений, в непринужденной улыбке, медовом тембре его голоса.

Да.

Он был мужчиной, которого ничто не связывало. Которому не приходилось в два часа ночи отвечать на сообщения, которых он нетерпеливо ждал, не приходилось волноваться о том, чтобы не разрушить свой имидж в глазах окружающих.

Мужчиной, который не боялся не оправдать ожиданий родителей.

Он был настоящим.

Он был похож на гору, возвышающуюся позади него. Сильный, твердый, несгибаемый.

И ей захотелось попробовать его на вкус.

Попробовать на вкус чувство свободы.

Она непроизвольно прижалась к нему, но он тут же отступил на шаг.

– Опомнитесь, принцесса, – сказал он, взяв ее за левую руку и повернув ее так, что бриллиант сверкнул на солнце. – Вы же не хотите этого.

Ее охватил ужас, и она отшатнулась от него.

– Я не… Да нет, ничего.

Он рассмеялся.

– А по-моему, есть кое-что.

– Я… Между мной и моим женихом есть негласное согла-

шение, – сказала она.

И тут же решила на самом деле прояснить с Донованом этот момент. Потому что она подозревала, что это соглашение им пригодится, учитывая, что они ни разу не дотрагивались друг до друга. И она также подозревала, что вряд ли Донован обходился без секса все эти два года.

Но она же обходилась.

Да, ей следует обговорить это с Донованом.

– Правда?

– Да, – солгала она.

– Ну, у меня есть соглашение с вашим отцом, что я являюсь его работником. И я ни за что не стану злоупотреблять своим положением.

– Я уже взрослая женщина, – заметила она.

– Да, но что, по-вашему, будет думать ваш отец, если обнаружит, что вы трахаетесь с нанятым рабочим?

Ее бросило в жар.

– Я не информирую отца о своей интимной жизни.

– Проблема в том, что его будут касаться наши отношения. А я привык к тому, чтобы моя интимная жизнь касалась только меня и обнаженной дамы в моей постели.

– То, что я едва не поцеловала вас, не означает, что я предлагаю вам заняться со мной сексом. Ваше эго выдает вас.

– А ваш румянец выдает вас, дорогуша.

Эмерсон не знала, что и сказать, хотя прежде ей никогда не приходилось лезть за словом в карман. Но он был прав.

Он работал на ее отца, и тем самым и на ее семью, включая и ее саму. Но она не чувствовала, что имеет хоть какую-то власть над ним. Не чувствовала, что управляет ситуацией. Хотя она была членом богатой семьи Максфилд, а он… просто наемным работником.

Так почему она чувствует, что находится в невыгодном положении?

– Пожалуй, пора отправляться дальше, – сказала она. – Мне еще нужно сделать несколько фотографий.

– Чтобы опубликовать их.

– Но вас я не буду снимать.

Он кивнул.

– Не будете.

Она взобралась на лошадь, и он последовал ее примеру. На этот раз он поехал впереди, и она испытала облегчение. Потому что не знала, что сделала бы, если бы ей пришлось чувствовать спиной его взгляд.

Она с ума сошла бы, думая о том, как себя вести, чтобы он не понял, что она знает, будто он наблюдает за ней.

Но, может быть, он вовсе и не наблюдал бы за ней. И в этом-то было все дело. А она сходила бы с ума, размышляя об этом. Но она вовсе не хотела сходить с ума.

Когда Эмерсон вернулась в офис, она села за стол и стала нервно постукивать пальцами рядом с лежащим перед ней телефоном. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не отправить сообщение Доновану.

Нет. Нет.

А потом внезапно она схватила телефон и стала писать сообщение.

«У нас свободные отношения?»

Она положила телефон на стол и замерла в ожидании. Спустя несколько минут он запищал.

«Мы обручены».

«Это не ответ».

«Мы живем в разных городах».

Она перевела дыхание.

«Ты спал с кем-то еще?»

Она не собиралась терпеть его уклончивые сообщения. Ей было безразлично, испытывает ли он угрызения совести.

«Мы живем в разных городах. Да, спал».

«А если бы я сделала то же самое?»

«Что ты делаешь до свадьбы – это твое дело».

Она не стала отвечать, и вскоре последовало еще одно его сообщение:

«Хочешь поговорить по телефону?»

«Нет».

«Хорошо».

И все. Потому что они не любили друг друга. И ей не было нужды писать ему, потому что между ней и Холденом ничего не будет.

А как относиться к тому, что Донован спит с другими женщинами?

Этого она не знала.

Она ничего не чувствовала.

Но теперь она получила карт-бланш. Хотя это же было не нормально, разве не так? Разве было нормальным то, что его не удивили ее вопросы? Что она ясно дала понять, что раздумывает о том, чтобы переспать с кем-то?

И было не нормальным и то, что она не испытывает ревности из-за того, что Донован с кем-то спит.

Нет, она не испытывала ревности.

И его признание не вызвало у нее никаких чувств.

Все это лишь подтвердило, что в их отношениях чего-то недостает. Что она и так уже знала. Они оба не чувствовали, что испытывают какие-то эмоции друг к другу. Они позволили, чтобы их свели вместе, но ее надежды, что со временем их чувства станут расти, не оправдались.

Но она не могла…

Ее отец не требовал от нее слишком многого. И он всегда поддерживал ее. Если она его разочарует…

Тогда она станет неудачницей, разве не так?

Но он не выбирал мужа для Рен. Не выбирал мужа для Крикет.

Он не просил их об этом. Он просил только ее. И она согласилась, потому что была тем, кем была. Дочерью, на которую можно положиться во всем. И теперь перестать быть ею было слишком поздно.

Писать Доновану было безумием. А прижиматься к Хол-

дену было еще большим безумием. И у нее нет времени на такие безумства. Ей нужно начинать рекламную кампанию, и она этим займется. Потому что она не из тех, кто целует малознакомых мужчин. Не из тех, кто занимается сексом только ради секса. Не из тех, кто нарушает профессиональные границы.

Но вся проблема заключалась в том, что Холден заставлял ее чувствовать себя совсем не такой, какой она была до сих пор. И это волновало ее больше всего.

Глава 4

Эмерсон представляла собой большую проблему. Что ему следовало бы сделать – это направиться в местный бар и снять себе женщину на ночь. Потому что, видит бог, ему не стоит возбуждаться всякий раз, когда он видит дочь своего врага. Он ожидал, что все члены семьи Максфилд будут вызывать у него отвращение. И на самом деле, когда он стоял напротив Джеймса Максфилда в его офисе во время собеседования, ему потребовалась вся сила воли, чтобы не задушить этого мерзавца прямо на месте.

Но все дело было в том, что смерть была бы слишком легким выходом для него. Холден предпочел бы заставить Джеймса испытать все несчастья до того, как тот попадет в ад, где будет гореть вечно. Холдену хотелось наказать его как можно сильнее.

Ад может подождать.

И ад был именно тем, что он заслуживал.

Холден наконец получил то, зачем сюда пожаловал.

В виде соглашений о неразглашении, которые он увидел в офисе Джеймса. Он запомнил код на двери, который Джеймс набрал, когда вел его в свой офис на собеседование. И ему лишь следовало дождаться момента, когда Джеймса не будет в доме, и проникнуть в его офис.

Холдена обрадовало то, что все документы лежали на са-

мом виду. И это его не удивило.

Это был офис Джеймса в его родном доме. Он доверял своей семье, и почему бы ему не доверять ей? Эмерсон явно испытывала к отцу самые теплые чувства. И Холден подозревал, что и все остальные обитатели дома эти чувства разделяют.

За исключением женщин, которых Джеймс затаскивал в свою постель. Своих работниц. Молодых. Зависящих от него. Но он наверняка откупался от них.

И когда Холден воплотит в жизнь свои планы, с Джеймсом будет покончено.

Но сначала нужно решить проблему с Эмерсон.

Холден не ожидал того, что при первой же их встрече между ними возникнет такое влечение.

К тому же она всегда была… рядом. Проблема состояла в том, что, когда он нанялся на работу, чтобы шпионить за Джеймсом и найти доказательства его отношений с его сестрой, ему приходилось по-настоящему работать в течение всего дня.

И это занимало у него чертовски много времени. И к тому же означало, что он постоянно находился рядом с Эмерсон.

Упомяни черта, и он тут как тут. Не успел он закончить убирать стойла, как на конюшню вошла Эмерсон. Одетая в бежевые бриджи, которые обтягивали ее стройные бедра.

– Это уже совсем другой костюм для верховой езды, – заметил Холден.

– Я сегодня не собираюсь делать никаких селфи, – пояснила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.